

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

Языки России в контакте с русским языком

МОСКВА
2020

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

Н. М. Стойнова, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет

- А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гишпиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария),
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Сомова

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:
119 019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

Indigenous languages of Russia in contact with Russian

MOSCOW
2020

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editor of the Issue

Natalya M. Stoynova, PhD. (Moscow, Russia)

Editorial board

- Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>З. М. Халилова</i> (Россия, Москва), <i>М. Ш. Халилов</i> (Россия, Махачкала), <i>Я. Г. Тестелец</i> (Россия, Москва). Влияние русского языка на бежтинский и хваршинский языки	16
<i>Е. В. Буденная</i> (Россия, г. Москва). К вопросу о малоизученном факте экспансии местоимений в ижорском языке	34
<i>Д. В. Герасимов</i> (Российская Федерация, Санкт-Петербург). Союзные сравнительные конструкции в разговорном чувашском языке	49
<i>В. Ю. Гусев</i> . (Германия, Гамбург / Россия, Москва). О камасинском постпозитивном условно-временном союзе <i>dak</i>	76
<i>Е. Л. Рудницкая</i> . (Россия, Москва). Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке	89
<i>Е. В. Кашкин</i> . (Россия, Москва) Особенности русской речи носителей мокшанского языка	110
<i>В. В. Баранова</i> (Россия, Санкт-Петербург). Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка	131
<i>К. Наккарато, А. Б. Панова, Н. М. Стойнова</i> (Россия, Москва). Нестандартный порядок слов в дагестанском русском: именные группы с генитивом.	146
<i>Е. В. Рахлина</i> (Россия, Москва), <i>А. К. Казенкова</i> (Казахстан, Алматы). Маркирование итератива в русской речи носителей казахского языка	168
<i>М. З. Муслимов</i> (Российская Федерация, Санкт-Петербург). Особенности оформления именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский	193
<i>С. А. Оскольская</i> (Россия, Санкт-Петербург). Переключение кодов в речи носителя нанайского языка	224
<i>Н. М. Стойнова</i> (Россия, г. Москва). «По-нанайски говори!» Переключение кодов в текстах на вымирающем языке	243
<i>В. В. Дьячков</i> (Россия, г. Москва). Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование	273
<i>И. А. Хомченкова</i> . Русские числительные в горномарийской речи	289

CONTENT

Предисловие	9
<i>Zaira Khalilova</i> (Russia, Moscow), <i>Madzhid Khalilov</i> (Russia, Makhachkala), <i>Yakov Testeleys</i> (Russia, Moscow). The impact of Russian on Bezhta and Khwarshi	16
<i>Evgeniya Budennaya</i> (Russia, Moscow). The expansion of third-person pronouns in Ingrian	34
<i>Dmitry Gerasimov</i> (Russian Federation, Saint Petersburg). Particle comparatives in spoken Chuvash	49
<i>V. U. Gusev</i> (Germany, Hamburg / Russia, Moscow). About kamas postpositive conditional-temporal conjunction <i>dak</i>	76
<i>E. L. Rudnitskaya</i> (Russia, Moscow). Lexical borrowings from Russian, and the subcategorization frame in Evenki	89
<i>Egor Kashkin</i> (Russia, Moscow). Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers . . .	110
<i>Vlada Baranova</i> (Russia, St. Petersburg). Language contacts in Kalmykia and the emerging of new local Russian variety.	131
<i>C. Naccarato, A. B. Panova, N. M. Stoyanova</i> (Russia, Moscow). Non-standard word order in daghestanian Russian: noun phrases with the genitive.	146
<i>Ekaterina V. Rakhilina</i> (Russia, Moscow), <i>Aimgul K. Kazkenova</i> (Kazakhstan, Almaty,). Marking of iterative in Russian speech of Kazakh speakers	168
<i>Mehmet Muslimov</i> (Russia, Saint-Petersburg). On the structure of the noun phrase in votic/ and ingrian/russian code-mixing	193
<i>Sofia A. Oskolskaya</i> . (Russia, Sankt-Petersburg). Code-switching in the speech of a Nanai speaker	224
<i>Natalia Stoyanova</i> (Russia, Moscow). “Speak Nanai!” Code-switching in texts in an endangered language	243
<i>Vadim V. Dyachkov</i> (Moscow, Russia). Structural and sociolinguistic features of hill Mari — Russian code switching: a pilot study	273
<i>Irina Khomchenkova/</i> (Russia, Moscow). Russian numerals in hill Mari speech	289

К. Наккарато¹, А. Б. Панова¹, Н. М. Стойнова^{1,2,3}

¹НИУ ВШЭ, ²ИРЯ РАН, ³ИЯз РАН

(Россия, Москва)

ch1naccarato@gmail.com, anastasia.b.panova@gmail.com, stoynova@yandex.ru

НЕСТАНДАРТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ В ДАГЕСТАНСКОМ РУССКОМ: ИМЕННЫЕ ГРУППЫ С ГЕНИТИВОМ

Работа посвящена контактному влиянию в области порядка слов. На корпусном материале анализируется порядок слов в генитивной группе в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана. В их речи очень частотной оказывается препозиция генитива (*Заиры брат*), не характерная для русского языка монолингвов. Это можно объяснить влиянием родных языков носителей, в которых зависимое в именной группе препозитивно. Простым калькированием модели родного языка, однако, не удастся объяснить конкретные факторы, регулирующие порядок слов в дагестанском русском. Количественный анализ корпусных данных показывает, что к препозиции более склонны генитивные группы, выражающие отношение родства и возраста; релевантны также такие характеристики генитивного зависимого, как положение на шкале одушевленности (лица), референциальный статус (определенные ИГ), лексический класс (термины родства), длина зависимого (неоднословные). Перечисленные факторы выстраиваются в следующую иерархию по силе воздействия: семантическое отношение между вершиной и зависимым > семантика генитивного зависимого > длина генитивного зависимого.

Ключевые слова: русский язык, нахско-дагестанские языки, тюркские языки, языки Дагестана, порядок слов, генитив, языковые контакты, билингвизм.

0. Введение

В статье будет рассмотрен нестандартный порядок слов в именных группах с генитивным зависимым в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана (ср. *моей сестры мужа бабушка* вместо ожидаемого *бабушка мужа моей сестры*).

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

“Дагестанский русский” как особый устойчивый вариант русского языка, обладающий определенным набором характерных особенностей, большинство из которых обусловлено тесным контактом с местными языками, был описан в работах Н. Р. Добрушиной и М. А. Даниэля [Daniel et al. 2010]; [Даниэль, Добрушина 2013]. В качестве одной из его специфических синтаксических черт авторы отмечают отчетливую склонность к левому ветвлению (препозиции зависимого) в ряде конструкций¹.

В настоящей статье мы подробно проанализируем на корпусных данных (на материале корпуса DagRus, см. Раздел 1) одну из таких конструкций, а именно генитивную. Естественно предположить, что наблюдаемое в русской речи билингвов — носителей языков Дагестана обилие употреблений генитивного зависимого в препозиции к вершине, как в примере (1), связано с тем, что такой порядок слов характерен для родных языков носителей (2).

(1) Она всю жизнь не любила тѐ = дедушки сестру. [DagRus, L1 аварский]

(2) λ'ε de-χε mahandi-l q'alam!
дать.imp 1SG-LOC Мухаммед-GEN карандаш
'Дай мне карандаш Мухаммеда!' (аварский, андалальский диалект [Testelec 1998: 274])

При этом в их речи фиксируются и “стандартные” постпозитивные употребления генитива, как в (3):

(3) **Матерь матери** была лачка. [DagRus, L1 аварский]

В статье будет описано частотное распределение конструкций с препозитивным и постпозитивным генитивом в дагестанском русском, будут выявлены факторы, предрасполагающие к препозиции генитива, и высказаны предположения о причинах их влияния на порядок слов.

Анализ корпусных данных показывает, что препозитивный генитив действительно заметно частотнее в речи дагестанских билингвов, чем в разговорной речи монолингвов. Это позволяет принять гипотезу о его контактной природе. При этом выбор порядка слов в генитивной группе в речи билингвов не случаен. Он регулируется рядом семантических и синтаксических факторов: в частности, например, к препозиции генитива особенно склонны генитивные группы с семантикой родства. В языках Дагестана подобного распределения не засвидетельствовано: генитивные зависимые во всех этих языках почти всегда препозитивны [Testelec 1998: 274]. Таким образом, простым калькированием модели родного языка удастся объяснить лишь часть более сложной картины, наблюдаемой в дагестанском русском.

Работа имеет следующую структуру. В Разделе 1 дана краткая справка о корпусных данных, используемых в исследовании. В Разделе 2 частотность препозитивного генитива в корпусе русской речи Дагестана сопоставляется с его частотностью в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка. В Разделе 3

¹ “A pronounced shift to left branching in some constructions” [Daniel et al. 2010: 85].

описаны факторы, располагающие к препозиции генитива. В Разделе 4 кратко перечисляются общие результаты исследования, в Разделе 5 они обсуждаются в более широкой перспективе.

1. Данные корпуса DagRus

В качестве материала для анализа была взята выборка именных групп с генитивом из Корпуса русской речи в Дагестане (Corpus of Russian spoken in Dagestan, <http://www.parasolcorpus.org/dagrus/>), содержащего коллекцию социолингвистических интервью с жителями сел горного Дагестана. Интервью представляют собой беседы на русском языке с людьми, для которых родным является один из языков Дагестана, а русский язык является вторым (L2). Русский язык в Дагестане, помимо функций, обычных для государственного языка, выполняет также функцию лингва франка (см. подробнее [Даниэль, Добрушина 2013]).

На момент исследования корпус содержал тексты от носителей нескольких нахско-дагестанских языков: аварского, андийского, даргинских (мегебского, муиринского, ицаринского), лезгинских (арчинского, рутульского, табасаранского), лакского — и двух тюркских (кумыкского, азербайджанского). Кроме родного языка, для каждого носителя были известны следующие социолингвистические характеристики: год рождения, пол, родное село и уровень образования. Объем корпуса составлял примерно 186 тыс. словоформ.

В качестве первоначальной выборки были скачаны все примеры со словоформами, которые встроенный в корпус морфологический парсер (TreeTagger) аннотировал как существительные в генитиве. Всего таким образом было найдено 2 412 вхождения. Затем результаты поиска были просмотрены и отфильтрованы вручную. Для анализа были отобраны только те примеры, где генитив входил в именную группу. Кроме того, не были включены сочетания с числительными (например, *два брата*) и словами, семантически близкими к ним (например, *куча, масса*), а также сочетания с существительными в предложной функции (например, *в сторону*). В результате наша основная выборка содержала 709 примеров.

Для каждого примера из выборки уже имелась информация о родном языке говорящего и годе его рождения. Кроме этого, для всех примеров вручную была размечена позиция генитива (справа или слева от вершины), тип семантического отношения, которое в данном примере выражает генитив (принадлежность, часть-целое и т. п.). Для самого генитивного зависимого были размечены его лексический класс, одушевленность, референциальный статус и “тяжесть” (длина). Подробнее см. Раздел 3.

2. Частотность препозитивного и постпозитивного генитива

Разметка позиции генитива в примерах из выборки подтвердила наблюдения, сделанные в работах М. А. Даниэля и Н. Р. Добрушиной: порядок слов в именной группе в речи носителей дагестанского русского, отличается от порядка слов в именной группе в речи монолингвов.

В русском литературном языке нейтральным порядком слов в именной группе с генитивом является строгая постпозиция генитивного зависимого к вершине, ср. (4).

- (4) Он прямо из аэропорта приехал в **дом отца**. [НКРЯ, Маша Трауб. Ласточ... ка (2012)]

Обратный порядок, то есть препозиция генитива к вершине, встречается только в устной разговорной речи, ср. (5). Как пишет Е. А. Земская [1987/2011: 151], тенденция к препозиции генитива в разговорной речи диктуется коммуникативной структурой (актуальным членением) предложения. Препозитивный генитив обычно интонационно выделен, как в (5).

- (5) [№5, жен, 72] Ира / здравствуйте! Это Тамара Николаевна / **Раисы Николаевны сестра**. [НКРЯ, Телефонный разговор (2005)]

Чтобы посмотреть на частотность препозитивного генитива в монолингвальном русском, была взята наиболее похожая на имеющиеся данные дагестанского русского выборка из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>): тексты, помеченные в НКРЯ как устная непубличная речь, и, точнее, жанр “домашний разговор”. Из 1070 просмотренных примеров именных групп с генитивным зависимым существительное в генитиве находилось в препозиции всего в 18 примерах (1,7%).

В русской речи носителей языков Дагестана препозитивный генитив употребляется в сравнении с русской речью монолингвов значительно чаще. Из 709 примеров выборки из корпуса DagRus генитив находился в препозиции к вершине в 104 примерах (14,7%), причем круг контекстов, в которых чаще всего появлялся препозитивный генитив, на первый взгляд казался достаточно однороден: это были примеры с генитивами родства (ср. *дедушки сестру* из примера (1)), однако ими выборка с препозитивными генитивами не ограничивалась.

Чтобы точнее объяснить распределение препозитивных и постпозитивных генитивов, было проверено, не коррелирует ли выбор позиции генитива с другими характеристиками вершины и зависимого в именной группе.

3. Факторы, влияющие на нестандартный порядок слов в дагестанском русском

Все признаки, включенные в разметку выборки примеров (см. Раздел 1), были рассмотрены нами с точки зрения их потенциального влияния на порядок слов в генитивной группе. Частотные корреляции порядка слов с родным языком и годом рождения говорящего (3.1), семантическим отношением между генитивом и вершиной (3.2) и характеристиками самого генитивного зависимого: одушевленностью (3.3), лексическим классом (3.4), референциальным статусом (3.5) и длиной (3.6) были проверены с помощью точного двустороннего критерия Фишера. Предполагая, что обнаруженные факторы действуют с разной силой и могут быть

взаимосвязаны (3.7), мы также применили более сложные статистические методики (логистическая регрессия и random forest ‘случайный лес’), для того чтобы оценить вклад каждого из них в общую картину (3.8).

3.1. Родной язык и год рождения говорящего

Статистически значимой корреляции между родным языком носителя и частотностью в его русской речи препозитивного / постпозитивного генитива выявлено не было.

Диаграммы 1 и 2 показывают частотное соотношение между препозитивным и постпозитивным генитивом в речи носителей нахско-дагестанских языков, вошедших в выборку, по подгруппам: аваро-андийские, даргинские, лакские, лезгинские, — а также в речи носителей тюркских языков, распространенных в Дагестане (кумыкского и азербайджанского).

Доля препозитивных генитивов колеблется между 10% и 30%, разница между разными подгруппами языков и между тюркскими vs. всеми нахско-дагестанскими языками незначима (точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.9022$).

Статистически значимой корреляции с годом рождения говорящего также не обнаруживается, см. Диаграмму 3 (всего в выборке 41 говорящий с 1920 по 1973 г.р., на диаграмме года рождения сгруппированы по декадам).

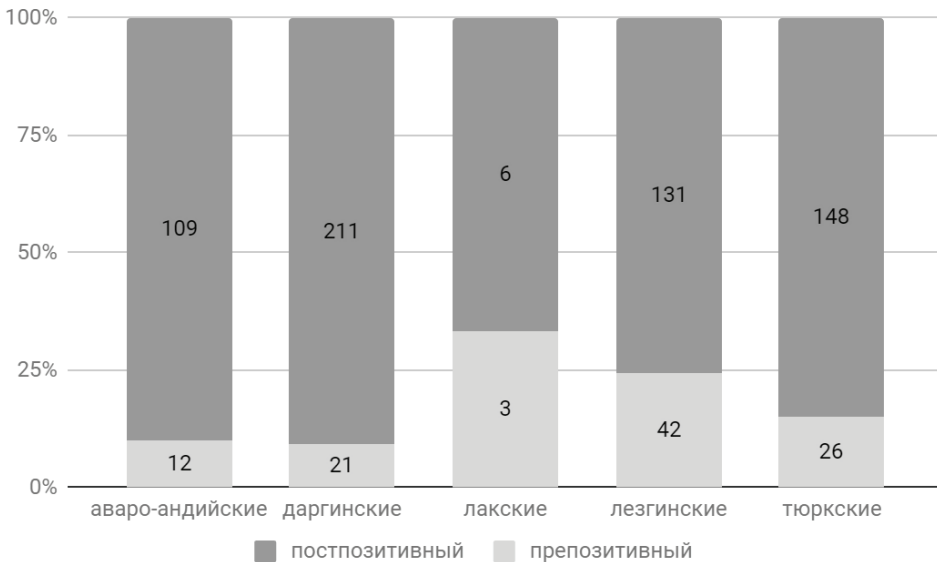

Диаграмма 1. Позиция генитива: родной язык говорящего

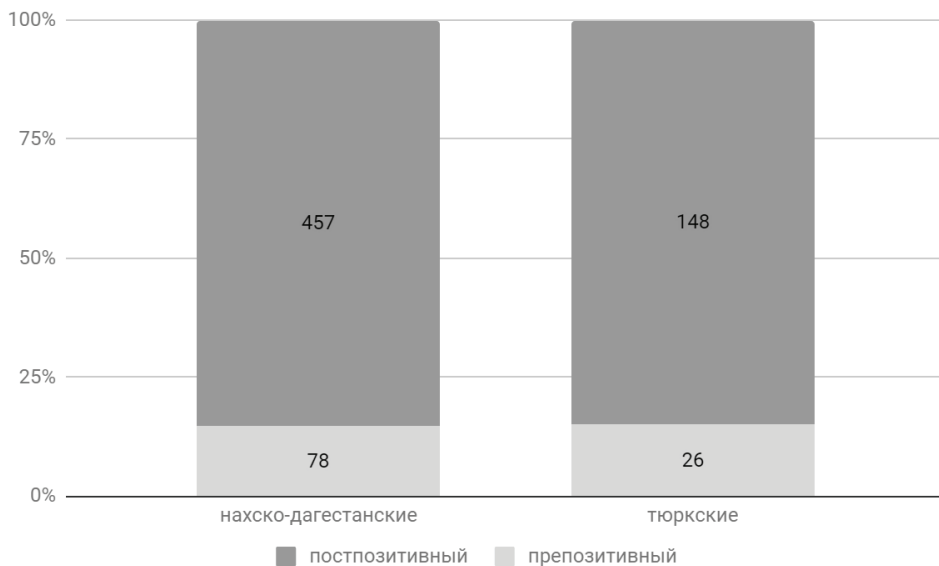

Диаграмма 2. Позиция генитива: родной язык говорящего (нахско-дагестанские vs. тюркские)

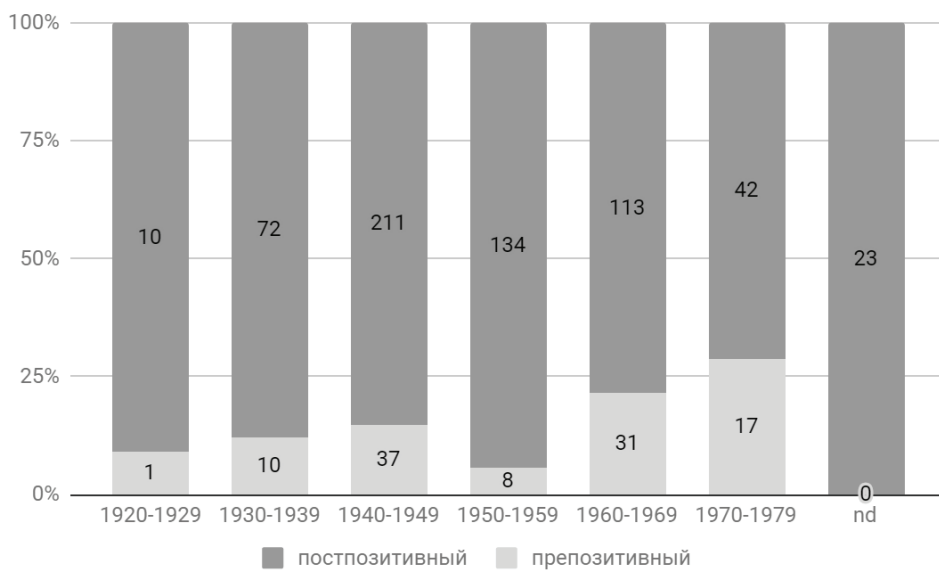

Диаграмма 3. Позиция генитива: год рождения говорящего

3.2. Семантическое отношение

Для проверки корреляции позиции генитивного зависимого с семантическим отношением, выражаемым генитивной группой, примеры выборки были детально размечены по этому признаку. Использовалась подробная эмпирически ориентированная рабочая классификация, основанная на существующих типологических классификациях генитивных отношений (см. [Кортјевскаја-Тамм 2002]) и классификациях значений, выражаемых русским генитивом (см. [Кустова, рукопись]). Всего для разметки выборки примеров мы использовали 25 семантических отношений: обладаемое-обладатель (*дом отца*), часть-целое (*крыша дома*), член-группа (*председатель колхоза*), родство (*дочь брата*), ситуация-объект ситуации (*сожжение селений*), субъект ситуации-объект ситуации (*заместитель директора*) и др.

Для большинства отношений в выборке отчетливо преобладает постпозиция генитива. Единственными исключениями оказались генитив родства (*моей бабушки племянник*) и генитив возраста (*преклонного возраста люди*). Ср.:

- (6) Один председатель был **моей бабушки племянник**. [DagRus, L1 лакский] — генитив родства в препозиции
- (7) И сейчас вот например когда вот **преклонного возраста люди** пишут например что-то они пишут на аварском. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — генитив возраста в препозиции

Для каждого из этих отношений (и только для них) доля препозитивных генитивов значимо выше доли препозитивных генитивов в оставшейся части выборки (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$), см. Диаграммы 4 и 5.

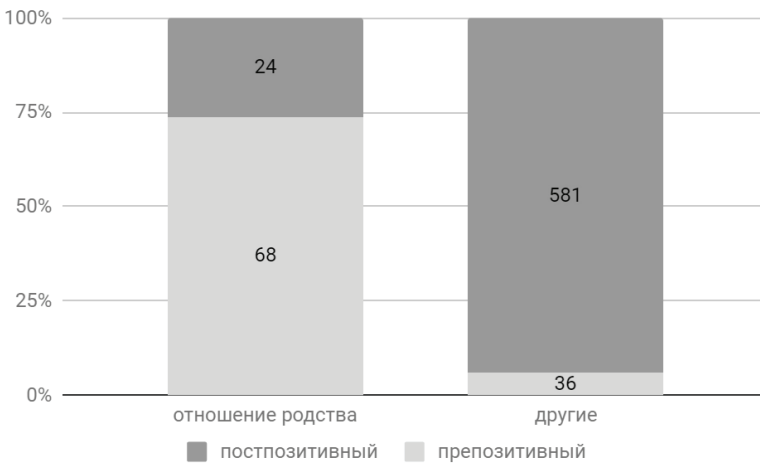

Диаграмма 4. Позиция генитива: отношение родства

3.3. Одушевленность генитивного зависимого

Мы проверили также, коррелирует ли порядок слов с позицией генитивного зависимого на шкале одушевленности: лица (*подготовка сержантов*) vs. животные (*табун лошадей*) vs. неодушевленные (*обработка шкур*), см. Диаграмму 6.

Доля препозитивного генитива снижается от лиц к неодушевленным предметам. Группа употреблений с названиями животных слишком мала, чтобы делать уверенные выводы о ней (всего 8 употреблений), но по имеющимся данным примыкает

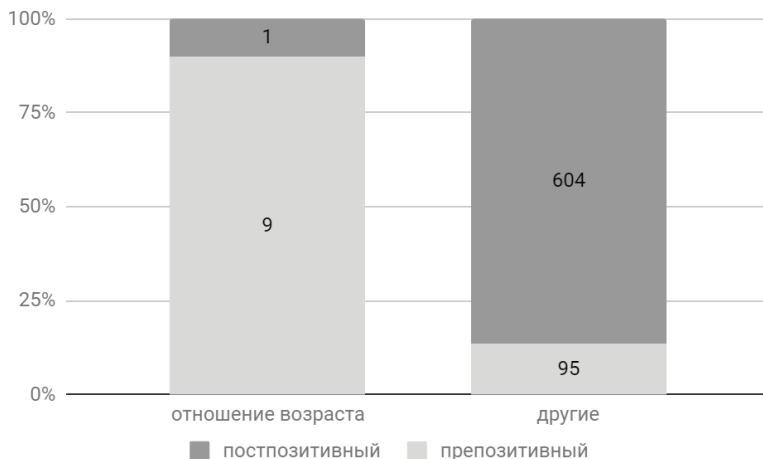

Диаграмма 5. Позиция генитива: отношение возраста

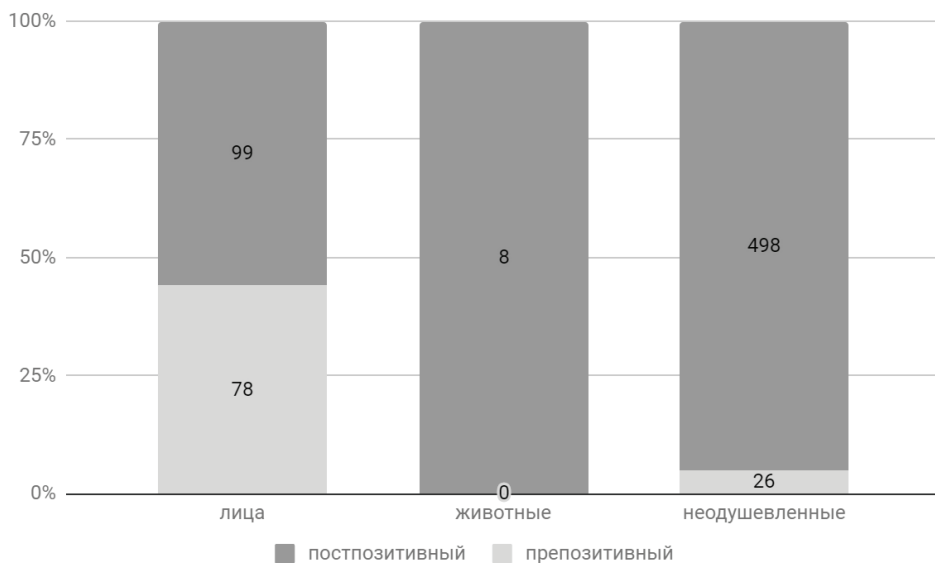

Диаграмма 6. Позиция генитива: одушевленность

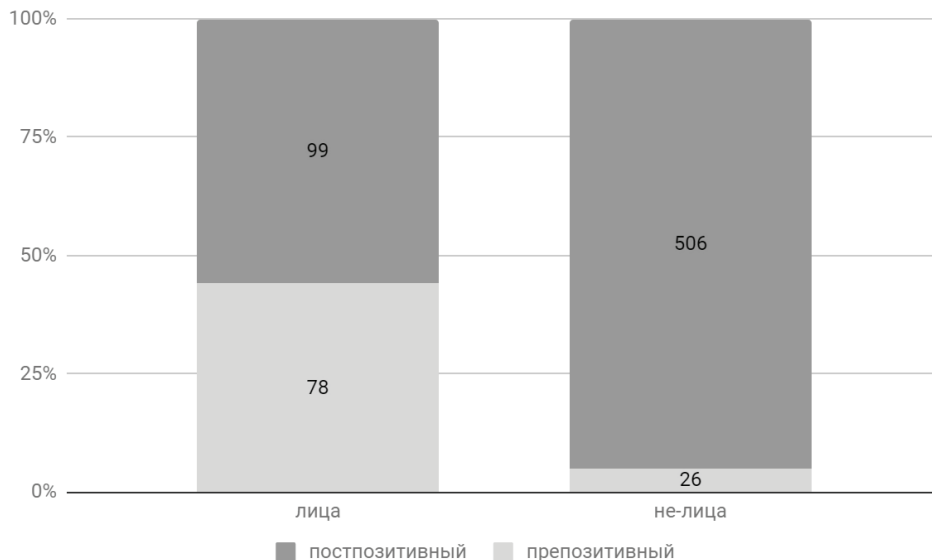

Диаграмма 7. Позиция генитива: лица vs. не-лица

к употреблению с названиями неодушевленных предметов (разница между животными и неодушевленными незначима, разница между животными и лицами значима, точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.0217$). Таким образом, граница, видимо, проходит между лицами и не-лицами (Диаграмма 7), разница статистически значима (точный двусторонний критерий Фишера, $p<0.0001$). Ср. контрастивные примеры на лицо и не-лицо из одного и того же текста:

- (8а) Брал ихнюю **первокурсников, второкурсников программу**, из них составил [DagRus, L1 азербайджанский] — лицо в препозиции
- (8б) По **программе пединститута нашего**. [DagRus, L1 азербайджанский] — не-лицо в постпозиции

3.4. Лексический класс генитивного зависимого: термины родства

Преобладание препозитивной позиции над постпозитивной фиксируется для терминов родства, ср. контрастивную пару примеров от одного носителя:

- (9а) Вот как раз-таки я **своей тёти могилу** не могу найти. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — термин родства в препозиции
- (9б) У нас существует поверие что хоть одна вещь если куда-то попадёт из **могилы этого человека** — не миновать беды. [DagRus, L1 мегебский даргинский] — не-термин родства в постпозиции

Доля препозитивных генитивов для этого лексического класса значимо отличается от доли препозитивных генитивов во всей остальной выборке, а также внутри

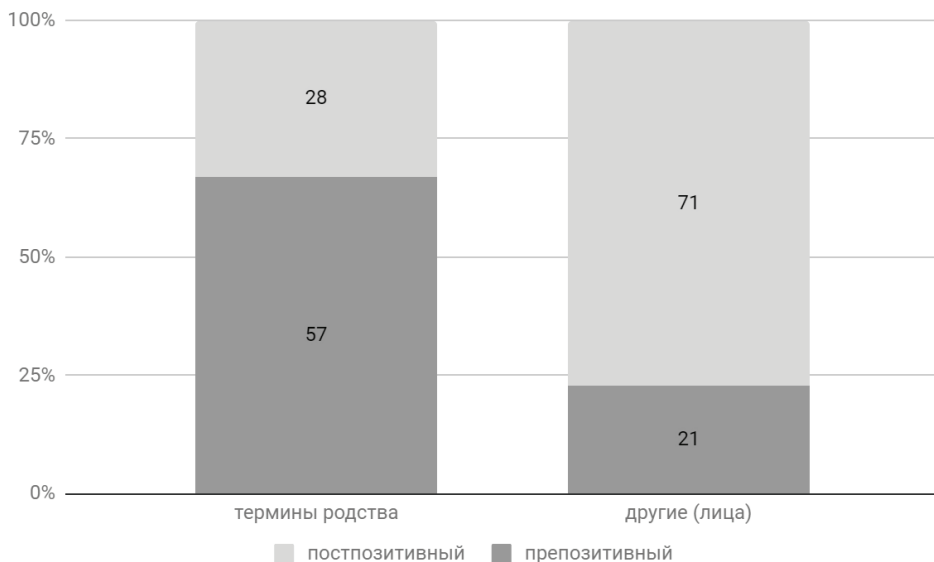

Диаграмма 8. Позиция генитива: термины родства

семантического класса лиц (для которого выше в целом отмечалась склонность к употреблению в препозиции). На Диаграмме 8 показана разница между терминами родства и всеми остальными названиями лиц в позиции генитивного зависимого, разница статистически значима (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

3.5. Референциальный статус генитивного зависимого

Отдельно была проверена зависимость между позицией генитивного зависимого и его референциальным статусом. Генитивные зависимые были разбиты на следующие группы: определенные референтные именные группы, включая названия уникальных объектов (*программа пединститута нашего, длина этого бревна, мельница Резвана*), неопределенные референтные именные группы (*по рассказам стариков, есть имена русских учителей*), нереферентные именные группы (*родина абрикосов, учительница начальных классов*). Более дробного деления внутри этих групп не проводилось (ср., например, гораздо более детальную классификацию на русском материале в [Падучева 1985/2010; 2017]). В отдельную группу были выделены имена ситуаций и признаков (*язык межнационального общения, ликвидация неграмотности*). Данные по каждой из групп приводятся на Диаграмме 9. Наибольший процент препозитивных генитивов наблюдается для определенных референтных ИГ. Для неопределенных и нереферентных ИГ употреблений в препозиции значительно меньше (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$), разница между нереферентными и неопределенными ИГ незначима ($p = 0.6923$). Имена ситуаций и признаков встречаются в выборке только в постпозитивной позиции.

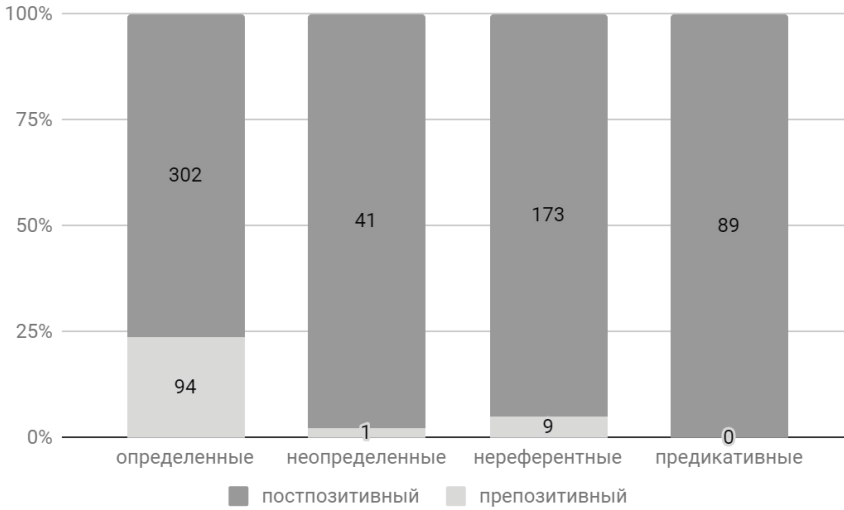

Диаграмма 9. Позиция генитива: референциальный статус

Ср. контрастные примеры (10а)–(10б) на неопределенную ИГ в постпозиции (разрывная ИГ) и определенную ИГ в препозиции. Примеры взяты из одного и того же текста, имеется в виду один и тот же референт (*мечеть*):

- (10а) **Развалина** была **мечети**, где имам стоит оттуда подземный вход был туда. [DagRus, L1 азербайджанский] — неопределенная ИГ в постпозиции
- (10б) Вот эти камни тоже **этого мечети камни**. [DagRus, L1 азербайджанский] — определенная ИГ в препозиции

3.6. Тяжесть генитивного зависимого

Помимо семантики генитивного зависимого, в качестве потенциально релевантного параметра была рассмотрена его “тяжесть” (длина). Легкими зависимыми мы считали однословные (*Карима мама*), тяжелыми — все неоднословные, включая генитив с адъективным зависимым (*моей мамы мама*), цепочку вложенных генитивов (*сестры мужа бабушка*), несколько сочиненных генитивов (*могила отца и матери*).

Как показывает Диаграмма 10, доля употреблений в препозиции к вершине значимо выше для тяжелых (неоднословных) зависимых, чем для легких. Ср. контрастивную пару примеров:

- (11а) Короче говоря новый сеновал фундамент закладывали [**моей одноклассницы мамы**] **новый сеновал** короче говоря там... [DagRus, L1 мегебский даргинский] — тяжелое зависимое в препозиции
- (11б) Это село называется Кара — Курейш то есть **крепость** [**курейшитов**]. [DagRus, L1 азербайджанский] — легкое зависимое в постпозиции

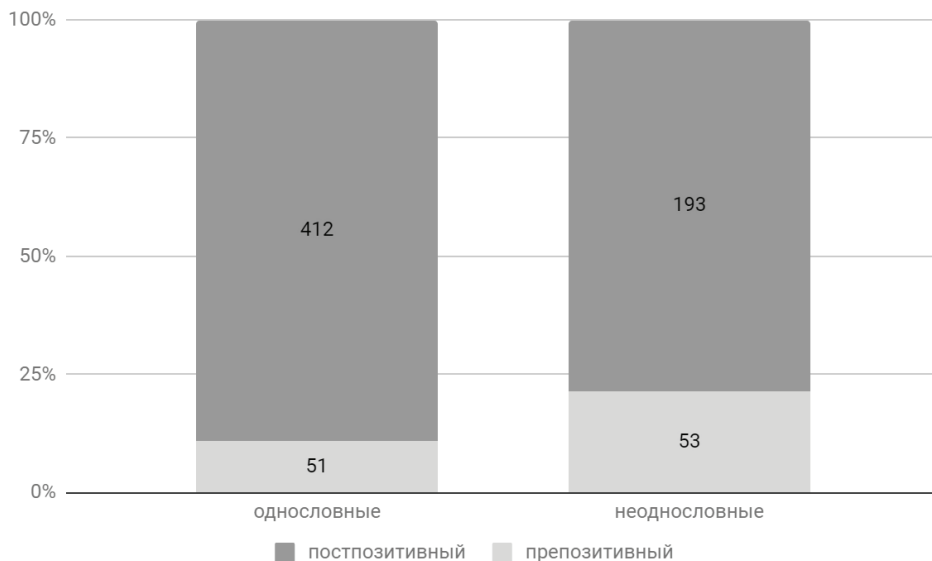

Диаграмма 10. Позиция генитива: длина

Объем рассмотренной выборки не позволяет установить, какой именно из синтаксических типов неоднословных зависимых дает этот эффект и есть ли значимая разница в их поведении.

3.7. Взаимодействие факторов

Выше было показано, что на линейную позицию генитивного зависимого влияет целый ряд факторов. Все эти факторы были рассмотрены по отдельности. Однако кажется, что, во-первых, все они действуют с разной силой, во-вторых, некоторые из них взаимосвязаны друг с другом.

Так, например, с очевидностью связаны рассмотренные выше семантические характеристики генитивного зависимого. Так, группа терминов родства целиком входит в класс лиц и чаще всего имеет один и тот же (определенный) референциальный статус. Референциальный статус и положение на шкале одушевленности скоррелированы и для других семантических групп.

Обнаруживается ясная связь между отмеченными выше как отдельные релевантные факторы семантикой генитивного отношения и семантикой самого генитивного зависимого. Так, генитивное отношение родства чаще всего имеет в позиции генитива термин родства (70,6% от всех примеров на отношение родства в нашей выборке). И наоборот, термины родства чаще всего встречаются в примерах на отношение родства (76,5% от всех терминов родства в генитивной позиции). При такой ситуации не до конца понятно, обусловлен ли наблюдаемый эффект действительно обоими факторами или на самом деле только одним из них, а кажущийся эффект второго возникает за счет частотной комбинации с первым.

Если действует один из факторов, то требуется определить, какой именно: то есть проявляются ли те же тенденции, что и для наиболее частотных комбинаций вроде *сестры муж* (отношение родства + термин родства), для групп вроде *сестры могола* (термин родства, но не отношение родства) или скорее для групп вроде *Зайры муж* (отношение родства, но не термин родства).

Семантика генитива и генитивного отношения связана и с длиной генитивного зависимого. Группы с отношением возраста всегда неоднословные (*моего возраста, пяти лет*). Генитивные зависимые с терминами родства часто неоднословные: термин родства сопровождается посессивным прилагательным или еще одним вложенным генитивом (часто *муж моей / его сестры* или *муж сестры Карима*, хотя возможно и *муж сестры* в значении ‘моей сестры’).

Более простые случаи не требуют дополнительного анализа. Так, выше (Раздел 3.4) уже было показано, что принадлежность к классу терминов родства дает эффект, не сводимый к эффекту, который обеспечивает принадлежность к классу лиц (разница между терминами родства и другими названиями лиц значима). С другой стороны, эффект, который дает принадлежность к классу лиц, обеспечивается не одними терминами родства (разница между всеми лицами, кроме терминов родства, и не-лицами также значима, точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

Часть более сложных случаев будет отдельно проанализирована ниже с применением дополнительных статистических методик. Для трех факторов, располагающих к препозиции генитива: отношения родства, семантики родства и длины генитивного зависимого — мы проверим, все ли они вносят свой вклад, не сводимый к вкладу двух остальных факторов (с помощью логистической регрессии), а также установим относительный вес этого вклада, т. е. определим, какой из факторов действует сильнее, а какой слабее (с помощью методики “случайного леса”, *random forest*). В дальнейшем мы планируем провести такую же проверку для всех рассмотренных выше факторов.

3.8. Значимость и иерархия факторов

Ниже мы подробнее опишем две статистические методики, использованные для оценки значимости трех разных факторов, предположительно влияющих на порядок слов в генитивной группе, а именно логистическую регрессию и “случайный лес” (*random forest*).

Логистическая регрессия считает для каждого значения каждого фактора (“предиктора”) шансы получить одно из значений бинарного ответа (в данном случае препозитивный или постпозитивный генитив). В модель были включены три предиктора: *Relation* (со значениями *kinship vs. other*: семантическое отношение между вершиной и генитивным зависимым); *Semantics* (*kinship vs. other*: лексический класс генитивного зависимого); *Length* (со значениями *one vs. more*: длина генитивного зависимого).

В Таблице 1 показаны коэффициенты логистической регрессии. В столбце “*Estimate*” указываются показатели, полученные для каждого предиктора

(логарифм вероятности). Положительные показатели в этом столбце предполагают большую вероятность постпозитивного генитива, в то время как отрицательные показатели предполагают большую вероятность препозитивного генитива. В первой строке (“Intercept”) указывается коэффициент вероятности так называемых “reference levels” (в данном случае — семантическое отношение = не родство, семантика генитивного зависимого = не родство, тяжесть генитивного зависимого = однословные зависимые). Положительный показатель предполагает большую вероятность постпозитивного генитива в этом контексте. Отрицательные показатели в нижних строках предполагают большую вероятность препозитивного генитива в следующих контекстах: семантическое отношение = родство, семантика генитивного зависимого = родство, тяжесть генитивного зависимого = неоднословные зависимые. *P*-значения в последнем столбце показывают, что разница между значениями каждого предиктора значима и, следовательно, стоит включить все предикторы в модель. Остальные столбцы показывают стандартную ошибку (Std. Error) и Тест Вальда (Wald Z). Высокие значения стандартной ошибки могут свидетельствовать о недостаточности данных или о мультиколлинеарности [Levshina 2015: 263]. В данном случае наблюдается нормальное распределение. Тест Вальда представляет собой соотношение логарифма вероятности и стандартной ошибки и используется для получения *p*-значений [Levshina 2015: 263].

Логистическая регрессия в целом подтверждает результаты, представленные в разделах 3.1–3.6, и говорит о значимой корреляции между препозицией генитива и всеми рассмотренными факторами (семантическое отношение родства, термин родства в позиции генитивного зависимого и неоднословность генитивного зависимого).

Таблица 1

Коэффициенты логистической регрессии

	Estimate	Std. Error	Wald Z	<i>p</i> -value
Intercept	3.3312	0.2456	13.565	< 2e-16
Relation = kinship	-3.2345	0.3779	-8.560	< 2e-16
Semantics = kinship	-1.2090	0.3896	-3.103	0.001914
Length = more	-1.0462	0.2992	-3.497	0.000471

Для того, чтобы определить силу воздействия каждого из этих предикторов, была применена методика “случайного леса” (random forest). Random forest — алгоритм, который считает относительный вес (важность) каждой переменной в модели при использовании “ансамбля” деревьев решений. Точечная диаграмма на Рисунке 1 (построенная на основе 1 000 деревьев решений) показывает, что все предикторы релевантны (значение по оси *X* > 0), наиболее важным является предиктор relation (семантическое отношение), а наименее важным предиктор length (тяжесть генитивного зависимого). Получившиеся результаты представлены в виде иерархии в (12).

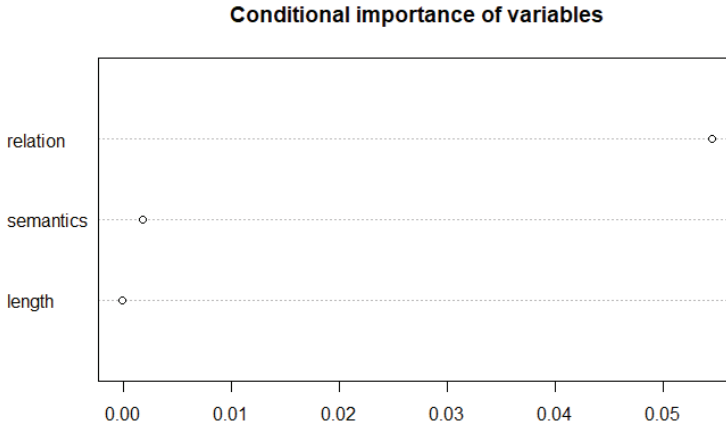

Рисунок 1. Соотносительный вклад каждого из факторов (Random forest)

- (12) семантическое отношение (отношение родства) > семантика генитивного зависимого (термин родства) > тяжесть генитивного зависимого (неоднословное)

4. Результаты

В статье на материале корпуса записей социолингвистических интервью с носителями языков Дагестана (DagRus) была проверена гипотеза о влиянии порядка слов в родном языке на русскую речь билингов.

Обнаруживается, что в дагестанском русском значимо больше препозитивных генитивов (*матери могила*), чем в русском языке монолингвов (14,7% в корпусе DagRus против 1,7% в устном подкорпусе НКРЯ).

Доля препозитивных генитивов не коррелирует с родным языком говорящего. Это ожидаемый результат: включенные в выборку языки не различаются по этому параметру, во всех генитив исключительно или преимущественно препозитивный.

Более неожиданно отсутствие корреляции с годом рождения говорящего: большего эффекта можно было бы ожидать в речи носителей старшего поколения (в среднем менее активно использующего русский язык). В дальнейшем планируется провести более детальный анализ социолингвистических параметров, включив в рассмотрение, в частности, такой фактор, как уровень образования носителей (возможно, более важный, чем год рождения).

Выявлены отчетливые корреляции порядка слов в генитивной группе с некоторыми семантическими и морфосинтаксическими параметрами.

1) Корреляция с семантикой генитивного отношения: к препозиции генитива склонны генитивные группы с **семантикой родства** (*Расула брат*) и **возраста** (*моего возраста люди*).

2) Корреляция с семантикой генитивного зависимого: положением на шкале одушевленности, референциальным статусом, принадлежностью к определенному

лексическому классу. Препозиция более характерна для генитивов, относящихся к классу лиц, чем для относящихся к классу не-лиц (*даргинцев язык*): **лица > не-лица**. Выделенная группа внутри класса лиц с особенной склонностью к препозиции — **термины родства** (*моего отца гости*). Наблюдается следующая связь с референциальным статусом генитивного зависимого: **определенные референтные ИГ > неопределенные референтные и нереперентные ИГ > имена ситуаций и признаков**. Для определенных генитивов препозиция наиболее характерна, генитивы со значением имени ситуации или признака встречаются только в постпозиции. Распределение генитивных зависимых по разным семантическим шкалам и внутри каждой из шкал кажется внутренне непротиворечивым (так, естественно, что к одному и тому же результату, а не к противоположному, располагает принадлежность к терминам родства, лицам и определенным ИГ), см. ниже.

3) Корреляция с тяжестью генитивного зависимого. Более склонны к препозиции неоднословные зависимые.

Некоторые факторы с очевидностью не независимы (одушевленность коррелирует с референциальным статусом, в генитивных группах с отношением родства чаще встречаются термины родства и т. д.). Для части из них было дополнительно проверено, вносят ли они отдельный вклад в выбор того или иного порядка слов и какие из них оказывают более сильное, а какие более слабое влияние. Были проанализированы три ключевых фактора, предположительно не независимых друг от друга: генитивное отношение (отношение родства vs. все остальные), семантика зависимого (термины родства vs. остальные) и тяжесть зависимого (неоднословные vs. остальные). Про все три доказано, что они оказывают независимое воздействие на выбор позиции генитива, и определен их относительный вес: **генитивное отношение > семантика зависимого > тяжесть зависимого**. Семантика генитивного зависимого оказывает наиболее сильное влияние, тяжесть — наиболее слабое.

5. Обсуждение результатов

Действие всех перечисленных выше факторов не удастся объяснить влиянием родного языка на русскую речь билингва. Для языков Дагестана с почти исключительной препозицией генитива все эти факторы нерелевантны, и если бы имело место простое калькирование синтаксического образца, то в дагестанском русском мы бы с равной вероятностью ожидали препозиции генитива для всех семантических и структурных типов генитивного зависимого и генитивного отношения.

Можно предположить следующие (возможно, взаимодополняющие) объяснения наблюдаемой картины. Первое объяснение — социолингвистическое. Выделенность отношения родства и терминов родства среди препозитивных генитивов можно объяснить тем, что это такие генитивные группы, которые охватывают самую частотную обиходно-бытовую лексику и наиболее характерны для жанров и тем повседневного общения. Это та лексика, которая в целом усваивается раньше и усваивается на родном языке, а не на русском. Это те темы и жанры, которые более характерны для родного языка, который оказывается языком

домашнего общения в противопоставление русскому как официальному языку. Поэтому калькирование синтаксической модели родного языка для таких генитивных групп оказывается более доступно, чем для тех, которые ассоциируются с “русскими” реалиями. Эта гипотеза отражает естественную интуицию о том, почему мы находим в выборке препозитивные генитивные группы вроде *Карима отец*, но не *труда герой* или *факультета декан*. Однако всей наблюдаемой картины она не объясняет. Для дальнейшей проверки этой гипотезы мы планируем, во-первых, более детально исследовать влияние на выбор порядка слов социолингвистических факторов, а во-вторых, попробовать учесть в подсчетах принадлежность лексики к тому или иному регистру (выделить лексическую группу “русских реалий”, а также провести подсчет без учета устойчивых сочетаний, возможно, вообще не интерпретируемых билингвами как генитивная группа: *день рождения*, *дом культуры* и под.).

Вторая гипотеза — структурно-типологическая. Подытоживая наблюдения о факторах, связанных с семантикой генитивного зависимого, можно сказать, что препозиция характерна для тех генитивов, которые находятся выше в более общей иерархии именных групп, в основе которых лежат признаки, описываемые в терминах агентивности, эмпатии, топиальности, индивидуализации и под., и которая оказывается релевантна в разных областях грамматики, прежде всего в области дифференцированного кодирования аргументов глагола (см. *empathy hierarchy* [Kuno, Kaburaki 1977; DeLancey 1981], “*hierarchy of inherent lexical content*” [Silverstein 1976], “*activity scale*” [Moravcsik 1978], “*extended animacy hierarchy*” [Croft 2003: 130], “*individuation properties*” в [Hopper, Thompson 1980] и мн.др., ср. обзоры подобных иерархий в [Filimonova 2005]; [Haude, Witzlack-Makarevich 2016]). Вполне естественно, что там, где по тем или иным причинам возникает возможность для дифференцированного маркирования зависимого в именной группе (в данном случае конкурирующие стратегии — генитив слева, как в родном языке, vs. генитив справа, как в монолингвальном русском), расщепление происходит в тех же самых универсальных точках.

Имеются независимые свидетельства того, что подобные факторы могут быть релевантны в том числе и для генитивных конструкций, ср. [Viti 2008] и [Lander 2010]. В статье [Viti 2008] о порядке слов в именных группах с генитивным зависимым в древнегреческом языке было показано, что выбор одного или другого порядка слов зависит не только от типа отношения, выражаемого генитивом, а также о позиции генитивного зависимого в иерархии, определяемой наличием следующих характеристик: одушевленность, индивидуализация и топиальность. В статье [Lander 2010] о посессивных конструкциях в андийских языках было отмечено, что выбор одной из возможных конструкций в этих языках зависит от топиальности посессора. Топиальность понимается автором как позиция существительного в ряде иерархий, включающих иерархии одушевленности, референциальности и индивидуализации.

Анализируя результаты, полученные для дагестанского русского, интересно понять, наблюдаются ли те же тенденции для других разновидностей русского

языка билингов — носителей языков с препозицией генитива и, в особенности, наблюдаются ли они для тех типов монолингвальной речи, в которых в принципе возможна препозиция генитива. Положительный ответ на этот вопрос был бы серьезным аргументом в пользу второй (структурно-типологической) гипотезы.

Насколько нам известно, детального корпусного исследования, по дизайну сопоставимого с проведенным нами на дагестанском материале, на материале других разновидностей русского языка не проводилось. Тенденция к левому ветвлению в именной группе отмечалась для русской речи билингов разных регионов: см. [Suleymanov 2016: 44–45] об ареально близком дагестанскому “бакинском русском” (русский язык носителей азербайджанского языка в Азербайджане), [Хомченкова 2018] о нганасанском русском, [Stoynova to appear: 6.3] о русской речи нанайцев и ульчей. В [Наккарато и др. 2019] мы показываем, что в русской речи носителей самодийских языков к препозиции зависимого в именной группе располагает, как и в дагестанском русском, семантика родства, однако в русской речи носителей тунгусских языков этот фактор не оказывается решающим.

Как показывает предварительный анализ данных Корпуса бассейна реки Устья (<http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/login.php>) и Корпуса говора села Малинино (<https://linghub.ru/malinino/>), большое количество препозитивных генитивов обнаруживается в отдельных образцах диалектной речи (применительно к которым уверенно говорить о контактной природе нестандартного порядка слов никак нельзя) и среди них, как и в дагестанском русском, преобладают генитивы родства. С другой стороны, наблюдения над “стандартной” монолингвальной разговорной речью как будто бы не свидетельствуют о выделенности этой семантической группы. Так, в [Земская 1987/2011: 151] упоминается, что в устной разговорной речи возможна препозиция генитива, однако она регулируется, по мнению автора, скорее коммуникативными факторами.

Интересно было бы проверить, действительно ли отмеченные нами в речи билингов факторы нерелевантны для монолингов, на выборке устных текстов от монолингов, максимально близкой к нашей по жанру и типу текстов, а также по социальным характеристикам носителей. Дело в том, что исследованная нами выборка текстов достаточно своеобразна по жанру: это записи социолингвистических интервью, в которых оказавшиеся для нас ключевым классом генитивы родства встречаются чаще, чем в любом другом жанре. Возможно, отмеченный нами эффект оказался настолько заметным во многом в силу жанрового своеобразия выборки. Не исключено (особенно учитывая упомянутые выше предварительные наблюдения над достаточно близкими по жанру коллекциями диалектной речи), что в рамках того же жанра отмеченные нами факторы окажутся, возможно менее, но все же значимы и в речи монолингов с сопоставимым социальным статусом. Тогда картину, наблюдаемую нами в дагестанском русском, можно было бы интерпретировать как контактно-обусловленное усиление тенденций, в целом характерных для устной разговорной русской речи.

Литература

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 12. М.: РГГУ. 2013. С. 186–199.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. (4-е издание — М.: Флинта; Наука. 2011). 240 с.

Кустова Г. И. Родительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). Рукопись.

Наккарато К., Панова А. Б., Плевак П. С., Стойнова Н. М., Хомченкова И. А. Посессивные конструкции с препозицией генитива в русском языке // Сборник статей по материалам VIII междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи». СПб.: СПбГУ. 2019. С. 78–83.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука. 1985. (Издание 6-е, испр. — М.: Изд-во ЛКИ. 2010). 296 с.

Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2017.

Хомченкова И. А. Нганасанский русский: корпусное исследование // XIX апрельская международная научная конференция «Русский язык в многоязычном мире», Москва. НИУ ВШЭ. 12–14 апреля 2018 г. (презентация доступна по ссылке: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/pdf/IKh_NganRus1-talk.pdf).

Croft W. Typology and universals. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Daniel M., Dobrushina N., Knyazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2010. №40. P. 65–93.

DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. 1981. №57. P. 626–657.

Dryer M. S. Order of Genitive and Noun // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/86>).

Filimonova E. The noun phrase hierarchy and relational marking: Problems and counterevidence // Linguistic Typology. 2005. №9. P. 77–113.

Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview // Linguistics. 2016. №54 (4). P. 433–441.

Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. №56. P. 251–299.

Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession in the European languages: form and function // STUF — Language Typology and Universals. 2002. №55 (2). P. 141–172.

Kuno S., Kaburaki E. Empathy and Syntax // *Linguistic Inquiry*. 1977. №8 (4). P. 627–672.

Lander Yu.A. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / ed. by F. Floricic. Lyon: ENS éditions, 2010. P. 287–311.

Levshina N. How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. 443 p.

Moravcsik E. On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua*. 1978. №45. P. 233–279.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical categories in Australian languages* / ed. by R. M. W. Dixon. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

Stoyanova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // *Slavica Hel-singiensia*. To appear.

Suleymanov M. Baku Russian: Colonial heritage in a post-colonial era // *Aspects of (Post)Colonial Linguistics: Current Perspectives and New Approaches* / ed. by Schmidt-Brücken D., Schuster S., Wienberg M. Berlin/Boston: De Gruyter. 2016. P. 27–52.

Testelec Ya.G. Word order in Daghestanian languages // *Constituent Order in the Languages of Europe* / ed. by A. Siewierska. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 257–280.

Viti C. Genitive word order in Ancient Greek: A functional analysis of word order freedom in the noun phrase // *Glossa*. 2008. №84. P. 203–238.

C. Naccarato¹, A. B. Panova¹, N. M. Stoyanova^{1,2,3}

¹NRU HSE, ²IRL RAS, ³IL RAS

(Russia, Moscow)

chInaccarato@gmail.com, anastasia.b.panova@gmail.com, stoyanova@yandex.ru

NON-STANDARD WORD ORDER IN DAGHESTANIAN RUSSIAN: NOUN PHRASES WITH THE GENITIVE

This paper is devoted to the effects of language contact in the field of word order. Based on corpus material, we analyze word order in genitive phrases in the spoken Russian variety of bilinguals from Daghestan. In this variety of Russian the preposition of the genitive in noun phrases (*Zairy brat* ‘Zaira’s brother’) is very frequent, whereas this is not typical of monolinguals’ Russian. This phenomenon can be explained as the result of contact with the speakers’ L1s, in which the genitive dependent in noun phrases is usually preposed to the head. However, the specific factors regulating word order in Daghestanian Russian cannot be explained exclusively in terms of L1 calquing. A quantitative analysis of corpus data shows that left genitives are preferred when the genitive

expresses a kinship or age relation. Other factors also seem to favor left genitives, i.e., the position of the genitive along the animacy scale (human referents), the referential status of the genitive (definite noun phrases), its lexical class (kinship terms), its length (multiword dependents). All these factors affect word order in noun phrases with the genitive according to the following hierarchy: semantic relation between the head and the genitive dependent > semantics of the genitive dependent > length of the genitive dependent.

Key words: Russian language, Nakh-Daghestanian languages, Turkic languages, Daghestanian languages, word order, genitive, language contact, bilingualism.

References

Croft W. *Typology and universals*. 2nd edn. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Daniel M. A., Dobrushina N. R. [Russian in Daghestan: problems of language interference]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog". Vypusk 12*. [Computational linguistics and intellectual technologies papers from the annual International conference "Dialogue". Issue 12]. Moscow, RGGU, 2013, pp. 186–199. (In Russ.)

Daniel M., Dobrushina N., Knyazev S. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*, 2010, no. 40, pp. 65–93.

DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*, 1981, no. 57, pp. 626–57.

Dryer M. S. Order of Genitive and Noun. *The World Atlas of Language Structures Online* (ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath). Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/86>. (accessed 13.03.2019)

Filimonova E. The noun phrase hierarchy and relational marking: Problems and counterevidence. *Linguistic Typology*, 2005, no. 9, pp. 77–113.

Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview. *Linguistics*, 2016, no. 54 (4), pp. 433–441.

Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 1980, no. 56, pp. 251–299.

Khomchenkova I. A. [Nganasan Russian: a corpus study]. *XIX april'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija «Russkij jazyk v mnogojazychnom mire»* [XIX April international conference "The Russian language in a multilingual world"]. Moscow, NRU HSE. 12–14 April 2018. Available at: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst/pdf/IKh_NganRus1-talk.pdf (accessed 13.03.2019). (In Russ.)

Koptjevskaja-Tamm M. Adnominal possession in the European languages: form and function. *STUF — Language Typology and Universals*, 2002, no. 55 (2), pp. 141–172.

Kuno S., Kaburaki E. Empathy and Syntax. *Linguistic Inquiry*, 1977, no. 8 (4), pp. 627–672.

Kustova G.I. [Genitive case. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar] *Roditel'nyj padezh. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Manuscript. (In Russ.)

Lander Yu.A. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases. *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* (ed. by F. Floricic). Lyon, ENS éditions, 2010, pp. 287–311.

Levshina N. *How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2015. 443 p.

Moravcsik E. On the distribution of ergative and accusative patterns. *Lingua*, 1978, no. 45, pp. 233–279.

Naccarato C., Panova A. B., Pleshak P. S., Stojnova N. M., Khomchenkova I. A. [Possessive constructions with preposed genitives in Russian]. *Sbornik statej po materialam VIII mezhdisciplinarnogo seminara "Analiz razgovornoj russkoj rechi"* [Collection of papers presented at the workshop "Analysis of Russian spoken discourse 2019"]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2019, pp. 78–83. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Statements and their correspondence in reality]. Moscow, Nauka, 1985. (6th edn. Moscow, Publishing house LKI, 2010). 296 p.

Paducheva E. V. [The referential status of the noun phrase. Materials for the project of corpus description of the Russian grammar]. *Referencial'nyj status imennoj grupy. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Moscow, 2017.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages* (ed. by R. M. W. Dixon). New Jersey, Humanities Press, 1976, pp. 112–171.

Stojnova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Helvingiensia*. To appear.

Suleymanov M. Baku Russian: Colonial heritage in a post-colonial era. *Aspects of (Post)Colonial Linguistics: Current Perspectives and New Approaches* (ed. by D. Schmidt-Brücken, S. Schuster, M. Wienberg). Berlin/Boston, De Gruyter, 2016, pp. 27–52.

Testelec Ya.G. Word order in Daghestanian languages. *Constituent Order in the Languages of Europe* (ed. by A. Siewierska). Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 257–280.

Viti C. Genitive word order in Ancient Greek: A functional analysis of word order freedom in the noun phrase. *Glossa*, 2008, no. 84, pp. 203–238.

Zemskaja E. A. *Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija* [Russian spoken discourse: linguistic analysis and learning problems]. Moscow, Russkij Jazyk, 1987 (4th edn. Moscow, Flinta/Nauka, 2011). 240 p.